

18+

Юрий Гаврюшенко

ПОЧТИ СМЕШНО

РАССКАЗЫ

*Улыбнёмся
Погрустим*

Юрий Гаврюшенко
Почти смешно. Рассказы:
улыбнемся, погрустим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69147634
ISBN 9785005984845

Аннотация

В книге представлены короткие рассказы, преимущественно юмористические, но не только. Автор подмечает в нашей жизни такие ситуации, на которые мы порой не обращаем внимания, и превращает их в забавные и увлекательные истории.

Содержание

Разговор банковских карточек	5
Сухой закон	12
Левый сантехник	18
Кутюрье местного пошиба	26
Пришельцы	33
Первобытно-общинный рай	41
Обостренное чувство справедливости	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Почти смешно Рассказы: улыбнемся, погрустим

Юрий Гаврюшенко

Иллюстратор Ольга Гаврюшенко

© Юрий Гаврюшенко, 2023

© Ольга Гаврюшенко, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-8484-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разговор банковских карточек

– Всё, пропала я! Даже не знаю, что делать! Чертов банкомат скушал меня. Бедный хозяин чуть с ума не сошел. Все надеялся, что эта чокнутая машина выплюнет меня обратно на белый свет. Не дождался, ушел. И вот теперь, как дура, лежу в спецприемнике, словно в тюрьме. Замуровали, демоны!.. Ой, тут, кажется, еще кто-то есть. Вы кто? Здесь плохо видно.

– Это я.

– Кто это я?

– Банковская карточка, я здесь с утра страдаю.

– Соседка по несчастью, значит. Это хорошо, не так страшно вдвоем будет. Что ж, давайте знакомиться. Я золотая карточка «Голд Кард»! Даже в темноте видно мой золотой отлив. А вы, извините, кто будете?

– Я карточка «Мир», на мне две птички нарисованы, на веточке. В темноте плохо видно.

– Мир дому твоему, значит. Ну и как поживаешь, карточка «Мир»?

– Да я живу тихо-мирно, никого не трогаю, а этот нехороший банкомат похоронил меня заживо.

– Не переживай сильно, скоро нас освободят, поверь мне. Скажи лучше, хозяин тебя не обижает, пополняет регулярно?

– Да, регулярно, четвертого числа каждого месяца.

– А почему только четвертого?

– Хозяйка моя, Евдокия Ивановна, пенсию получает четвертого числа.

– А где ты бывала, что видела?

– Да я, кроме продуктового магазина и аптеки, больше ничего и не видела.

– Что же это ты, бедняжка, весь месяц только по магазинам и аптекам?

– Почему месяц? Только одну неделю, а потом три недели лежу на полочке, отдыхаю, жду четвертого числа.

– Скучная у тебя, однако, жизнь, на полочке лежать!

– Почему же скучная? К Евдокии Ивановне подружка приходит. Они чай пьют с сухариками, разговаривают, а я слушаю.

– Ну и о чем они говорят?

– Ой, они долго говорят! Сначала о погоде, потом о детях и внуках. Здесь я их еще слушаю, но когда начинают обсуждать свои бесконечные болезни, я не выдерживаю, засыпаю. Просыпаюсь обычно под пенсионные разговоры. Ну а вы, Золотая Карточка, как живете, на полочке долго лежите?

– Мне на полочке некогда лежать. Я все время в делах. Мой хозяин, Роман Сергеевич, скучать не дает. Бабки поступают регулярно и не только четвертого числа. Очень приятно, когда тебя ими фаршируют. Что-то щелкнет, и ты уже как будто сытая и в дорогой одежде. Неповторимое ощущение.

– И что, много поступает?

– Об этом я тебе, карточка «Мир», сказать не могу, тайна вклада. Но ты особо не завидуй. Это недолго длится. Потом Роман Сергеевич начинает меня разбазаривать направо и налево.

– Это как «разбазаривать»? По аптекам бегать?

– Понимаешь, любит хозяин мой всякие увеселения: рестораны, сауны, командировки. Но и меня по ним таскает. Как я от них устала!

– А это что такое? От Евдокии Ивановны я таких слов не слышала.

– В ресторане собираются мужчины и женщины, садятся за столы, а потом едят и пьют.

– Чай с сухариками?

– Коньяк с омариками! Да, он похож на чай, только горький и дурной какой-то. Меня один раз уронили в бокал нечаянно. Так я потом так чудила! Бедный хозяин целую неделю по банкам бегал, счета выправлял.

В сауне почти как в ресторане, только прежде чем за стол сесть, надо почему-то обязательно догола раздеться.

А вот в чем прикол командировки, я никак понять не могу. Те же рестораны и сауны, только надо обязательно куда-то далеко ехать. И везде эти женщины визжат. Ох, как я их не люблю! Они еще хуже, чем коньяк.

– Почему хуже?

– Потому что Роман Сергеевич, их одевая, меня раздева-

ет. Когда он нажимает кнопку «оплатить» на телефоне, меня аж конвульсия пробивает от досады и злости. Вот представь, с тебя снимают твоё дорогое платье и надевают какой-то бабе.

– Какой бабе, жене, что ли?

– Жене тоже иногда перепадает, а чаще разным фифочкам. Одна Анжела Витальевна чего стоит. После этой мадам я вообще чуть живая осталась, полтора цента на счету.

– А моя Евдокия Ивановна не ходит в рестораны и сауны. И в командировки не ездит. А зачем пить горький чай и трапиться на чужих женщин? Глупый он какой-то, твой Роман Сергеевич. Да и мне спокойней лежать на полочке и ждать четвертого числа, чем шляться где попало.

– Зато я, подруга, мир повидала, который у тебя на карточке написан. В разных странах была, на острова всякие летала.

– А что там, на островах, делать? Там же никого нет. Кроме этих двоих, Робинзона Крузо и Пятницы. А из еды только бананы и кокосы.

– Деревня ты, карточка «Мир»! Не только в банкомате застряла, но ещё и в XVIII веке с этим твоим... Карузо. Сейчас на островах все есть, что пожелаешь. Была бы только карточка золотая. Стоит только Роману Сергеевичу меня вытащить из портмоне, так мне прямо в рот заглядывают. Хотят увидеть, что у меня там внутри, а главное, сколько.

Правда, хозяин своей привычке и там не изменяет. Каж-

дый день булькает! И опять же, эти дамочки! Где он только их находит? Но все равно он меня любит больше всех. Это я точно знаю. Женщины приходят и уходят, а я остаюсь.

Один раз Роман Сергеевич выронил меня на пляже. Всю ночь лежала я под лежаком на песке, дрожала от страха. Ну все, думаю, засыплет меня сейчас песком и останусь здесь на века. Утром прибежал, на лице ужас, глаза на лоб повылазили. Нашел меня, целует, держа в трясущихся руках, и шепчет мне: «Дорогая ты моя, золотая, единственная».

– Золотая Карточка, а сколько же такие путешествия стоят?

– По-разному бывает. Когда хозяин с женой летал, потратил пять тысяч. А когда с Анжелой Витальевной, то и десяти не хватило.

– Если пять тысяч, то Евдокия Ивановна со своей подружкой тоже сможет на острова слетать.

– А у тебя разве счет в долларах?

– В рублях. А что такое «доллар»?

– Ой, темнота! О долларе не знает. Ну как тебе объяснить... Вот твоя Евдокия Ивановна выпивает стакан чая на рубль, а на доллар она бы выпила 72 стакана.

– Так она же лопнет! Не надо нам вашего доллара. Сами пейте 72 стакана. И острова ваши нам не нужны. У Евдокии Ивановны дача есть. Там тоже все есть: и огурчики, и помидорчики, и лучок зеленый. Даже коньяк есть, только он белого цвета. Летать никуда не надо, и карточка золотая не тре-

буется.

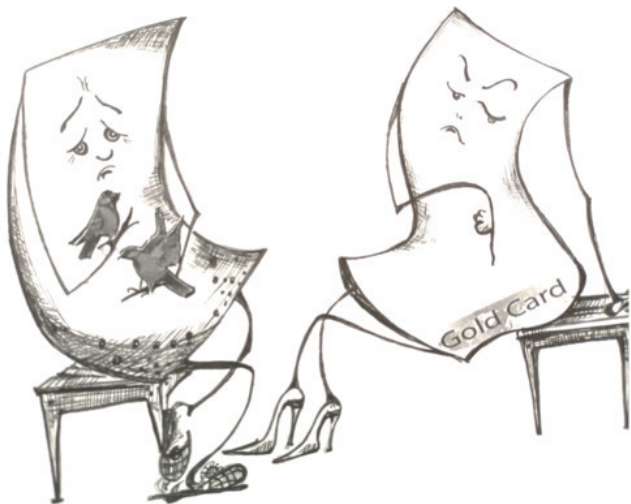
– Трудно с тобой разговаривать, карточка «Мир». Если бы ты была у Романа Сергеевича, он бы тебя просто заблокировал, все равно толку никакого.

– Что значит «заблокировал»?

– Это когда в отключке лежишь, ни туда ни сюда. Со мной был такой случай. Роман Сергеевич что-то там накосячил, и меня на десять дней заморозили. Знаешь, как он страдал! Его в ресторане ждут, а он дома сидит. Вместо коньяка чай с сухариками пьет. Да и я лежала как обычный кусок пластика.

– А зачем меня блокировать, если я и так три недели в отключке лежу на полочке до четвертого числа?

– Тихо! Кажется, я слышу голос Романа Сергеевича. Нас открывают. Ура! Пока, карточка «Мир»! Привет Евдокии Ивановне!

Сухой закон

Знаете, почему я люблю в гости ходить? Потому что там можно остограмиться на законных основаниях! Ну вот представьте: сидит человек дома, грустит, переживает, злится на окружающий мир. А тут, бац, я и нарисовался! Специально пришел, чтобы его провести, да еще не с пустыми руками! Ему приятно, что о нем помнят, не забывают. Ну и мне хорошо! А без этого дела по-настоящему провести невозможно: чакры не откроются.

В очередной выходной решил я брата Сашку провести. Он, правда, на другом конце города живет в тещином доме. Ехать надо на автобусе, потом на трамвае, но игра стоит свеч. Любит он, чтобы его проводывали. У тестя его тоже настроение поднимается, когда я приезжаю. Даже сын его, который, казалось, только вчера еще под стол пешком ходил, а сегодня уже студент, и он с нами за столом сидит и не только для того, чтобы покушать. Жена Сашкина и его теща к проводыванию относятся не так радостно, как их мужчины. Но я женщин тоже не обхожу вниманием, гостинцы им всякие покупаю: огурчики соленые, яблочки моченые, капустку квашеную.

И вот, значит, приезжаю. Достаяю гостинцы, ставлю на стол бутылку дорогого коньяка собственного приготовления. Все как обычно. Настроение приподнятое в предвкушении проводывания!

И вдруг Сашкина теща, Роза Львовна, женщина строгая, с характером, берет в руки мой драгоценный подарок и говорит:

– А ты знаешь, Лешенька, у нас теперь «сухой закон»! Спиртное не держим, потому что наши мужчины стали вести трезвый образ жизни. Я это у тебя заберу, чтобы их не провоцировать. Домой поедешь, отдам.

Сказала и понесла куда-то. Я стою, как парализованный, будто меня шпалой по башке огрели. Рот открывается, а сказать ничего не могу, как карась на песке. А зачем я тогда приехал (автобус, трамвай)? Смотрю на Сашку, а он только зенками своими ворочает и руками разводит: я, мол, не виноват. Что делать? Взял себя в руки, я же мужчина! Нашел в себе силы улыбнуться даже, как идиот.

Сели обедать. Скукотища! Никакой живости, только ложки стучат. Разве это проведывание? На поминках и то веселей. Ладно, пообедаю и поеду домой. Все равно выходной пропал!

После обеда Сашка повел меня к себе в комнату, на второй этаж.

– Понимаешь, Леха, – говорит, – мы долго сопротивлялись, но эта Роза Львовна просто какой-то фараон в юбке. После многократного чтения пролоббировала сухой закон!

А сам почему-то встал на коленки и полез под стол. Одна пятая точка торчит. Пошуршал чего-то там и вылезает оттуда с бутылкой.

– Это что? – спрашиваю.

– Текила! Хорошая вещь! Будешь?

– Он еще спрашивает!

Хряпнули мы с ним по полстакана. Солью закусили.

Не давая мне опомниться, Сашка тут же снова наливает.

– Давай быстрее, а то, не дай бог, теща заглянет! Конфискует контрабанду! – Затем дает корку лимона. – Зажуй и смотри – никому! А то обоим влетит! А сейчас иди!

Я говорю:

– А куда идти?

– Ну, погуляй по дому!

– А поговорить?

– Потом поговорим!

Ну что, думаю, можно и погулять. Вроде как уже не совсем зря приехал.

Слышу, по соседству музыка играет. Открываю дверь: сын Сашкин, Петька, сидит за столом, в ноутбук уставился.

– Заходи, дядя Леша! – говорит, а потом шепотом: – Пиво будешь?

Я как-то не привык текилу пивом полировать. Ну что делать, если «сухой закон»?

Петька дверь закрыл и извлекает из глубины дивана несколько баночек. Сели на диван, пьем пиво. Поговорили о музыке. Я пытался объяснить племяннику, что настоящая музыка была в наше время, а сейчас одна сплошная муть. Заставил его даже послушать что-то из Led Zeppelin и Uriah

Неер. Пока он одну баночку смаковал, я три осушил. Затем Петька дал мне жвачку и добавил:

– Главное, чтобы бабушка не просекла!

– Понятное дело, бабушка у вас просто жандарм какой-то.

Спускаюсь со второго этажа. Настроение приподнимается: все-таки получается проведывание, хоть и неофициальное. Слышу спортивный репортаж. Захожу: тесть Сашкин, Юрий Валентинович, футбол смотрит.

– Присаживайся, Леша, рассказывай, как у тебя дела?

– Нормально у меня дела, дядя Юра, а давайте мы с вами лучше чего-нибудь клюкнем! У вас есть что-нибудь?

– Интересно, кто тебе шепнул? – выпучил глаза Юрий Валентинович и, не дожидаясь ответа, полез на шкаф.

Засунул свою длинную клешню в щель между верхней антресолью и потолком и вытаскивает полный набор: початая бутылка водки и прижатая к ней пальцем рюмка.

– Понимаешь, Леша, – начал Юрий Валентинович, – я за Спартак болею. Когда он забивает, я – рюмочку с радости, а когда пропускает, то с горя.

Когда матч окончился, мы успели накатить по пять рюмок. Правда, с радости только одну. Юрий Валентинович в перерыве еще раз лазил на шкаф.

Напоследок Сашкин тесть дал мне зерна жареного кофе со словами:

– На, закуси! Чтоб Роза не унюхала.

Вышел я от тестя, голова кружится, ноги заплетаются, ку-

да идти – не пойму. Думаю, ничего себе «напроедывался». Хорошо, что Оля, Сашкина жена, позвала меня на кухню и посадила на стул.

– Леша, – говорит, – ты извини, что у нас «сухой закон»! Это в целом хорошо, а то наши мужики совсем распоясались. Но в отношении тебя это неправильно, ты все-таки гость! У меня шампанское с Нового года стоит. Только тебе надо быстрее, а то мама может застукать!

Быстрее так быстрее! Через три минуты я допивал последний фужер. Вот тут меня уже накрыло окончательно. Дальнейшее помню смутно. Сначала я громко, во все горло, запел «Ой, мороз, мороз». Почему я запел? Никогда раньше не пел за столом. И почему именно эту песню? Знаю, что она нравилась моей бабушке. Наверное, на подсознании что-то сработало.

Затем я пустился в какой-то дикий танец, размахивая руками и ногами. Наконец я оказался в центре карусели. Мимо меня проплывали стены с картинами, мебель, окна. Мелькали испуганные лица трезвенников. Кружилась даже Роза Львовна, которая что-то горячо доказывала своей дочери, держа в руке пустую бутылку шампанского. Я хотел пригласить Розу Львовну на медленный танец, но проклятая карусель не давала такой возможности. Чтобы не упасть, я стал опускаться на коленки. Последнее, что помню, это как две Ольги и два Сашки куда-то меня потащили.

Все прелести «сухого закона» я обнаружил утром. Во рту было так сухо, что я мог только мычать. Состояние мое было предсмертное. Я не мог встать с дивана. Такого позорного проведывания у меня никогда не было. Все этот чертов непромокаемый закон. Лишь Роза Львовна пыталась меня спасти, отпаивала чаем и минералкой. Только после обеда Сашка запихнул меня, полуживого, в трамвай.

После этого случая прошел уже месяц, но я еще ни разу никого не проведывал. Опасаюсь, а вдруг хозяева скажут:
– А у нас, Лешенька, теперь «сухой закон»!

Левый сантехник

О чем говорят мужчины во время перекуров на работе? О политике, о спорте и, конечно, о женщинах. Как же без них? Когда я работал в «почтовом ящике», то летом мы выходили из цеха отдохнуть в уютной беседке. Кто покурить, а кто просто за компанию. Мимо нас пробегали стайки молодых девушек в белых халатах. Одна другой лучше. Но мы могли только любоваться стройными ножками и вздыхать, потому что были все женатые. Те из нас, у кого появлялись иногда женщины на стороне, старались об этом особо не распространяться. Ведь любовный треугольник – дело небезопасное, сопряжено с рисками, всякое может быть.

А вот Серегу, парня из нашей бригады, треугольники не интересовали. Потому что у него были сплошные многоугольники. И сколько там было углов, он и сам не знал. В общем, тот еще Казанова. Стоит ему пять минут поговорить с незнакомой женщиной, как он уже о чем-то договорился. Я всегда удивлялся, как это у него получается. Пока мы сидели в беседке и «вздыхали», он мог смело подойти к одной из девушек и возвратиться с положительным результатом. Дар такой, что ли, у него был или способность находить «нужных» женщин? Скорее всего, и то, и другое. И ведь внешность самая заурядная, далеко не Ален Делон.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Попал

наш Сережа в форс-мажорную ситуацию. В обеденное время в той же беседке он с упоением рассказывал нам о своем приключении. Надо сказать, рассказчик он хороший, ни одну деталь не упустит. И с чувством юмора у него все в порядке.

«После работы подхожу к своему дому, – начал Серега свой рассказ, – а у соседнего подъезда женщина молодая, незнакомая, с тяжелым пакетом, пытается дверь открыть. Что-то у нее не получается. Сама симпатичная, фигуристая такая. Я ей помог с дверью, предложил пакет донести. Пока добрались до пятого этажа, я уже узнал, что она недавно въехала в этот дом, что зовут ее Анна, что разведена и даже что дочь живет в основном у бабушки. Но раз она разведена, думаю я, то не взять ли мне на свои «хрупкие плечи» часть некоторых мужских обязанностей. Говорю ей улыбаясь:

– Может, вам починить чего или тумбочку передвинуть? Она, тоже улыбаясь, понимая мой намек, отвечает:

– Спасибо, все работает, тумбочка стоит на нужном месте.

А впрочем, кран в ванной подтекает.

– Ну, давайте я гляну!

– Да что вы будете утруждаться, я сантехника из ЖЭУ вызову.

– Зачем вам деньги тратить. Смогу – сделаю. Не смогу – вызовете сантехника. Да вы не бойтесь, я в соседнем подъезде живу.

– Ну ладно, заходите.

Хорошо, думаю, уже полдела сделано. Зашел в ванную. Капает немного, ерунда. Принесла инструмент. Зачем? Что я, сантехник, что ли? Ладно, поковыряюсь пять минут для приличия, а потом можно и по «рюмке чая». Смотрю, она уже в халатике щеголяет. Халатик такой плотный, спереди и сзади все, что положено.

Тут, бац, звонок в дверь. Выглядываю из ванной – ни фига себе, мужчина с цветами заходит. Обнимает хозяйку, целует. Она ему:

– Проходи, Жорик.

Мужик в костюме и галстук. Явно не сантехник. Видимо, у него какие-то другие функции. Интересно, какие? А у меня тогда какие функции? Гайки в ванной крутить? Вот это поворот! Нет, мы так не договаривались. Я, значит, как дурак, должен кран ремонтировать, а хозяйку будет целовать какой-то Жорик. И что же мне теперь делать? Что, выйду сейчас, поздороваюсь с этим Жориком и пойду домой, не сидеть же мне в ванной. Пускай они потом сами разбираются.

Тут хозяйка громко, чтобы я слышал, говорит:

– Я сантехника из ЖЭУ вызвала!

Мужчина шепотом:

– А что он так поздно приперся?

– Наверное, занят был.

– Аня, но ты же знаешь, что у меня времени не больше часа.

– Звонить надо было заранее.

«Ах ты гад!» – выругался я на этого Жорика. Сам приперся, донжуан несчастный! Всю малину мне испортил! В конце концов, я первый пришел! А ты позже, значит, занимай очередь. Во попал! Нашли сантехника!

Смотрю в щелку двери: Жорик уже шампанское открывает. Что же это получается? Это же я должен шампанское открывать. Уселись на диван, шепчутся, хихикают чего-то. А я, как кретин, на ванне сижу, ключами брякаю, создаю видимость работы. Ну ничего, буду целый час брякать. Весь ваш лимит выберу.

Жорик после шампанского осмелел, стал руки распускать. Одна рука его у Анны на плече, а другая... Вторую не вижу, стол мешает. Ругаю себя последними словами. Это ж мои руки должны быть там. Вот так довели левые мысли до левого сантехника. Сижу тут на ванне, как петух на яйцах. Смотрю на себя в зеркало. Ну какой я сантехник? Снял рубашку, надел наизнанку. Закатал джинсы до колена, бейсболку перевернул наоборот. Вроде похож стал. А когда взял в руки газовый ключ, второй номер, ну прямо вылитый сантехник.

Вдруг тихо стало. Обнаглели совсем, при живом сантехнике обнимаются. Все, хватит с меня, надоело, пойду домой.

Только я собрался выходить, опять звонок. Е-мое. Снова какой-то мужик. В отличие от Жорика, этот какой-то агрессивный. По разговору с Анной понимаю, что это муж бывший пришел. Василием звать. Здоровый жлоб. Интересно, что сейчас будет? А мне-то что, я не при делах, я сантехник.

Вася этот в комнату проскочил и сразу на Жорика:

– Ты кто такой?

– А ты кто такой?

– Я муж!

– Вы же разведены!

– Это не твое дело, – кричит Василий и бьет Жорика по лицу.

Ничего себе, думаю, ситуация развивается. Это ведь мое лицо там могло быть. Жорик оказался парень не промах. Бросается к Василию в ноги и, как настоящий борец по смешанным единоборствам, пытается бросить соперника через себя. Ему это удастся, соперник загремел спиной прямо на стол, на бутылку шампанского. Вася заорал так, что задрожали стекла в окнах. Затем вскочил и бросился на Жорика. Смотрю, они уже по ковру катаются. Аня бежит вокруг, кричит, пытается их остановить. Кошмар какой-то. Я думаю, что, может, надо вмешаться, разнять их. А вдруг они поубивают друг друга, это же останется на моей совести. Как я потом Анне в глаза буду смотреть?

Сжал покрепче рукой газовый ключ, второй номер. Выбегаю из ванной, замахиваюсь на них и как закричу:

– А ну прекратите немедленно!

Остановились. У Василия глаза округлились и на лоб полезли. Смотрит подозрительно, то на меня, то на Аню, кумекает чего-то.

– Ты кто такой? – спрашивает.

Правильно, о чем еще может спросить Василий!

– Кто-кто! Не видишь, что ли, сантехник!

– А откуда ты взялся?

– Откуда сантехники берутся? Из ЖЭУ!

– В квартиру как попал?

– По водосточной трубе, блин, залез! Ты чего дуркуешь?

Не знаешь, что сантехники по заявке приходят?

– Чего ты его пытаешь? – вступилась за меня хозяйка. –

Вызвала я сантехника.

Тут, бац, опять звонок. Милиция заходит, два человека. Наверное, соседи вызвали, когда Вася орал. Один ко мне подходит и потихоньку вытаскивает из моей руки газовый ключ, который я так и держал. Потом говорит мне: «Ну, давай, друг, рассказывай, зачем ты этих милых товарищей отделал. Только не говори, что это они друг друга побили».

Ну правильно! Эти двое сидят на диване раненые. У одного губа вздулась, другой охает, за спину держится. А я над ними возвышаюсь с газовым ключом. Что милиционеры должны думать? Целый час меня пытали. Объясняю им, что я сантехник из ЖЭУ, в драке не участвовал, что у меня еще заявка, люди ждут. А они ни в какую, хотели меня в отделение забрать. Спасибо Ане, отстояла меня. Когда оттуда вышел, целый час по улице ходил, нервы успокаивал. Причем в одежде сантехника».

Конечно, мы не могли Серегин рассказ не сопровождать разного рода высказываниями и усмешками, а то и просто

откровенным гоготом. Я все это опустил для цельности монолога. Сошлись на том, что Сереге еще повезло: и по морде не дали, и в милицию не забрали.

Подытожил тему наш бригадир Палыч, философски заметив: «Чтобы не оказаться, как Серега, в роли левого сантехника или, не дай бог, в роли левого скалолаза, не надо брать на себя те обязанности и функции, которые для тебя не предназначены».

Кутюрье местного пошиба

Мы с Лешкой Барановым работаем в конструкторском бюро на заводе. Работа, конечно, не супер: чертежи, расчеты... Но что делать? Как говорится, за что боролись. Но иногда мы позволяем себе на работе поржать. Скажет, например, Лешка какую-нибудь глупость, а я дальше развиваю мысль. И вот уже нашу буйную фантазию не остановить. Становится как-то веселее, да и рабочий день быстрее пролетает. На зарплату это не влияет. Плохо, конечно, что не добавляють, но хорошо, что не высчитывают. Вот вчера, к концу рабочего дня, когда мы уже порядком устали, говорю Лешке:

– Черт дернул меня в технический вуз поступать. Надо было куда-нибудь на дизайнера, модельера, совсем другая жизнь была бы: заграница, подиумы, красивые женщины, ну и мани-мани, конечно.

– Да, не говори, – соглашается Алексей. – С экрана телевизора бы не вылазили.

Смотрю через некоторое время, стоит он за кульманом и улыбается. Я ему:

– А ну давай, колись! Анекдот, что ли, вспомнил?

– Начинаю работать модельером. Вон, видишь, шеф стоит, разговаривает по телефону.

Шеф – это Яков Семенович, начальник отдела, вечно к нам придирается. Крупный такой дядька с животом. Чув-

ства юмора ему явно не хватает.

– Ну вижу, что стоит, ну и что?

– Надо его по моде одеть.

– Чтобы по моде одеть, надо сначала раздеть, – усмехнулся я, с удовольствием поддерживая неожиданно возникшую тему для разговора.

– А ты уверен, что он будет в восторге?

– А он ничего знать не будет, мы его виртуально разденем.

– Догола, что ли?

– Необязательно догола, достаточно до нижнего белья.

Посмотрим, в чем он там ходит.

– Хорошо, – согласился Лешка, – тогда снимаю с него костюм и рубашку, и ты тоже снимай.

– Ну и в чем он у тебя? – спросил я.

– В белой майке и в черных семейных трусах.

– У меня тоже белая майка, а семейные трусы оказались в цветочек.

– Вот видишь, в чем он ходит, это позор для нашего отдела, – сказал Лешка, – и это в то время, когда кутюрье с мировыми именами достигли значительного прогресса в этом направлении. Надо немедленно заменить белье.

В это время шеф бросил на нас недружелюбный взгляд, видно не желал расставаться со своими трусами.

– Что, не нравится? – сказал я. – А изгаляться над подчиненными – это хорошо?

– Так! – решительно сказал Лешка. – Снимаем с него май-

ку и семейные трусы и надеваем модное белье. Как ты думаешь, если белые обтягивающие трусы-боксеры с гультфиком? А? Что, стильно и красиво!

– Красиво, но не очень эффектно, – сказал я. – Может быть, красные стринги со слоником?

Лешка заржал как конь. Его спасло только то, что он успел спрятаться за кульман, когда весь отдел повернул головы в нашу сторону.

– Представляешь, – продолжил я, – серьезный такой, ходит по отделу, дает указания, а сам в стрингах со слоником, на шее галстук-бабочка, а на голове фуражка полицейского. Ну как моя дизайнерская разработка?

– Если бы он в таком виде прошел по отделу, то никого бы в отделе не осталось, – сказал Лешка, вытирая слезы. – Одна половина просто умерла бы от смеха, а вторая убежала бы в туалет.

– С таким дизайном и по отделу – это расточительство, – поймав кураж, резюмировал я. – Надо послать его в Европу на показ высокой моды. Он там будет среди своих.

– Так и нам с тобой тоже придется ехать в качестве кутюрье, – согласился Лешка, – будем представлять своего подопечного. Мы хоть и не Дольче и Габбана, а Петров и Баранов, но тоже хотим заработать и прославиться.

– А вы совсем его разденьте, тогда точно станете знаменитыми, – влезла в разговор Наташка Тарелкина, молодая девушка, чертежница. – Пока еще абсолютно голые по подиуму.

му не ходили.

– Тарелкина, а ты злопамятна! Ну поругал тебя шеф с утра за опоздание, так что, сразу догола его раздевать? Что ты будешь с голым дядькой делать? – усмехнулся Лешка.

Наташка засмушалась, пришлось прийти ей на помощь:

– Что делать? Вместо подиума отправим его в баню, раз он уже голый. Дадим в руки березовый веник с тазиком, и пусть чешет. А что, баня недалеко, десять минут хода по проспекту.

– И ты думаешь, он голый пойдет?

– Ну просто так не пойдет, а если хорошо заплатить, то, может, и пойдет.

– А ты сам бы за сколько пошел? – неожиданно спросил Лешка.

Я задумался: «Голым идти днем по центральной улице десять минут».

– А тазиком прикрыться можно?

– Нет! – решительно сказал Лешка. – Так каждый дурак пойдет за деньги.

– Ну тогда... десять миллионов, не меньше.

– А в какой валюте? – поинтересовался Лешка.

– В какой? В рублях, конечно. Кто тебе десять миллионов долларов даст?

– Я бы за пять миллионов пошел, – сказал Лешка. И по его решительному взгляду я понял, что он это сделает. Потом, глядя мне в глаза, как бы оправдываясь, Лешка добавил: –

Понимаешь, кредиты душат, тачка разваливается, то-се.

– А ты понимаешь, что до бани можешь и не дойти, – опять влезла Тарелкина, – полиция заберет.

– Понимаю, а что делать? Деньги очень нужны. И потом, не такое уж злостное преступление. Так, мелкое хулиганство. Ну приговорят улицу пару месяцев помести или штраф назначат тысяч сто, все равно четыре миллиона девятьсот тысяч мои. Жена поймет. Ради семьи пошел на такое голое дело. А тебе, Тарелкина, вообще можно идти голой тысяч за пятьдесят.

– А чего так мало?

– А больше не дадут. Посуди сама: мужа и детей нет. Краснеть ни перед кем не надо, сама молодая, красивая. Фигура что надо. За что тебе большие деньги давать? Тебе вообще можно бесплатно голой пройтись, и даже обратно. Сделаешь по пути селфи. Выложишь в интернет, и вот ты уже молодая звездочка. Ну а дальше ток-шоу на телеканалах, богатый муж, дом на Рублевке, ну и все, что положено светской львице.

У Наташки глазки заблестели от такой перспективы.

– Можно, конечно, и втроем пойти, – предложил я, – вместе не так стыдно.

– А что, сумма приличная: пятнадцать миллионов пять-

десять тысяч рублей.

– А нам сумму не уменьшат за мелкий опт, ведь в розницу дороже? – спросил Лешка.

– Да вроде как не должны. Хорошо бы, конечно, Якова Семеновича с собой взять и первым запустить его с тазиком и веником. Ну еще фуражку полицейского оставим, может помочь в случае чего. А мы уж как-нибудь за ним потихоньку, авось и проскочим.

Остался один вопрос: «Где деньги, Зин?»

– Знаю, где деньги взять, – сказал Лешка, – напишем олигархам, обрисуем ситуацию, и, возможно, они согласятся.

– Ты думаешь, если олигарх, то, значит, можно миллионы на ветер выбрасывать? – сказала Наташка.

– Серая ты личность, Тарелкина! Просто так деньги выбрасывать никто не будет, но если у нас на спине и на груди будет реклама, то они эти деньги окупят и еще заработают. А у тебя, кстати, какой размер, Тарелкина? Нам надо больше рекламы разместить! – неожиданно заявил Лешка и, внимательно посмотрев на смущенную девушку, добавил: – Да, много не напишешь.

И вот надо же, на самом интересном месте закончился рабочий день! Надо идти домой. В свободное время можно, конечно, тоже посмеяться, но уже будет не так весело.

Пришельцы

Галя резко толкнула локтем спящего мужа:

– Валера, Валера! Смотри, что это?

– Что такое? – пробурчал Валера, нехотя переваливаясь на другой бок.

– Смотри в окно! – продолжала жена испуганным голосом.

Валера открыл один глаз и увидел сильный луч света, направленный прямо на него.

– Кто это там балуется? – сказал он, вылезая из-под одеяла.

– Это не балуются... это... – голос жены стал еще более тревожным.

Валера подошел к окну и увидел следующую картину. Над дачным поселком завис желтый шар. Совсем рядом, метров 50—60, не больше. Но самое главное, что от него исходил мощный желтый луч. И этот луч был направлен прямо им в окно. Никаких других лучей больше не было. Валера несколько минут стоял неподвижно за стеной у окна, пытаясь осмыслить происходящее. Взгляд его упал на настенные часы, которые были хорошо освещены. Стрелки остановились ровно на 12 ночи.

– Почему они направили луч именно к нам? – теперь уже громко сказал он.

– Кто «они»?

– Инопланетяне!

– Какие инопланетяне?

– Какие? Пришельцы из других миров. Может, марсиане, может еще кто.

– А что им от нас надо?

– Видимо, что-то надо, если луч направили нам в окно.

На шум выполз из другой комнаты Валерин тесть, Алексей Иванович. Не задавая вопросов, он молча уставился в окно.

– Я никогда не верил в НЛО, – сказал наконец Алексей Иванович, – а сейчас не знаю, что и думать. Кто видел, что этот шар прилетел?

– Я видела, что прилетел, – сказала Галя. – Никак не могла уснуть, тупо смотрела в окно. Сначала увидела маленькое желтое пятнышко, которое постепенно приближалось, а потом вот зависло на этом месте.

– Может быть, они хотят кого-нибудь из нас похитить? – сказал Валера.

– С чего это ты решил? – спросила жена.

– Галь, ты никогда не читала, что ли? Похищают в основном для изучения. Мы для них вроде подопытных кроликов. Их разум выше нашего настолько же, насколько наш разум превышает разум тех же кроликов.

– И что, похищают с концами?

– Иногда люди возвращаются, только ничего не помнят.

– Наверное, они прибыли по мою душу, – произнес Алексей Иванович. – Я на работе вечно спорю с Шестаковым. Он помешался на этих НЛО. Везде ему их след мерещится. А я считал, что все это глупости и всегда над ним посмеивался. Вот они, видимо, и решили меня проучить.

– И что же нам теперь делать? – вставила Галя. – Может, куда спрятаться?

– От них никуда не спрячешься, – сказал тесть, – надо ждать, пока не улетят.

– Мне надо во двор, в туалет, – тихо, но твердо сказал Валера.

– Ты что, тебя там сразу утащат, – испугалась супруга, – здесь все-таки стены, закрытые окна.

– Да, тебе надо потерпеть, – согласился его тесть.

– Да я не могу терпеть, у меня, похоже, понос!

– Нашел время, тут вопрос жизни и смерти, а он придумал, как маленький!

Валера резко открыл входную дверь. Потом оглянулся, посмотрел на своих близких и сказал:

– Если они меня с собой заберут, им же хуже будет!

Потихоньку пробравшись в конец участка, Валера уселся на унитаз летнего туалета. По пути он отметил, что на их участке, да и на соседних, было достаточно светло. В открытую дверь он наблюдал за инопланетянами. Картина не менялась. Все так же в воздухе висел желтый шар, а его луч был направлен в окно дачного дома. И не только в окно.

Этот луч пытался даже осветить его, сидящего на унитазе.

– Вот черти, никуда от них не скроешься, – бубнил Валера, прикрывая дверь до минимума. – Если прибыли за тестем, то зачем за мной наблюдать. Я против вас ничего не имею. Вполне допускаю жизнь на других планетах.

Живот у Валеры отчаянно крутило, и он подумал, что сидеть ему здесь не менее получаса. А за это время многое может случиться.

Минут через десять освещенность стала падать. Валера даже не сразу осознал, с чем это связано. Лишь взглянув вверх, он увидел, что желтый шар стал меньше. «Улетают», – обрадовался он. Желтая точка становилась все меньше и меньше и наконец исчезла совсем. Вместе с нею исчез и луч.

«Надеюсь, они тестя не прихватили с собой», – размышлял Валера.

Вдруг со стороны дома он увидел два небольших луча, направленных в его сторону. Очень медленно, но уверенно эти лучи стали приближаться. «Неужели пришельцы высадили десант, – подумал Валера, – а сами улетели для маскировки». Неожиданно один из инопланетян крикнул:

– Валера!

Голос был похож на голос тестя. «Но что им стоит подделывать голос», – с опаской размышлял Валера, продолжая сидеть на унитазе.

Вскоре второй голос, похожий на голос его жены, громко

прорезал ночную тишину:

– Валера, ты здесь? Это мы, корабль улетел!

– Я здесь, – послышался радостный ответ из туалета.

– Слава богу, а то мы было уже подумали, что они тебя с собой прихватили.

Утром вся семейка вышла на улицу в поисках следов НЛО. Но ничего подозрительного не обнаружили. Соседка справа, тетя Зина, сказала, что никаких марсиан не видела, но заметила, что какое-то время в начале ночи было подозрительно светло.

– Она косвенно подтвердила, что инопланетяне все-таки были, – сказал Алексей Иванович.

– А что там подтверждать? – добавил Валера. – Мы что, слепые, что ли! Или вместе с ума сошли? Судя по всему, корабль завис вот над тем большим двухэтажным особняком, который находится на следующей улице.

– Так это же дом председателя! – сказал Алексей Иванович. – Теперь понятно, кого они собирались похитить.

– Ну если собирались, то, значит, так и сделали! – вставила Галя.

– Это плохо, как же мы будем без председателя? – озадачился Алексей Иванович.

– Незаменимых людей нет, на собрании нового выберут, – решительно сказал Валера. – Ты, например, подходящая кандидатура, а почему нет?

– Правильно! Соглашайся, папа! Дом со временем постро-

им, как у него, – улыбнулась дочь.

– А я после завтрака к нему наведуясь. Сегодня воскресенье, правление не работает, так что Михалыч должен быть дома, если, конечно, не улетел на другую планету.

Михалыч встретил Алексея Ивановича у себя в саду. Они с женой пили чай на веранде.

– Да я не по дачному вопросу, – сразу обозначил тему Алексей Иванович.

– А по какому же еще вопросу можно ко мне обращаться? – улыбнулся председатель.

– Вы сегодня ночью ничего необычного не замечали?

– А что, гости были, что-нибудь стащили?

– Да, были гости, но необычные!

– Да говори ты яснее!

– Тарелка с пришельцами прилетала ночью. Висела как раз над вашей крышей. Вы ее должны были видеть.

Супруги недоуменно посмотрели друг на друга.

– Нет, никакой тарелки мы не видели. Мы же не можем видеть сквозь крышу. Вот если бы она была сбоку, то, может, и заметили бы.

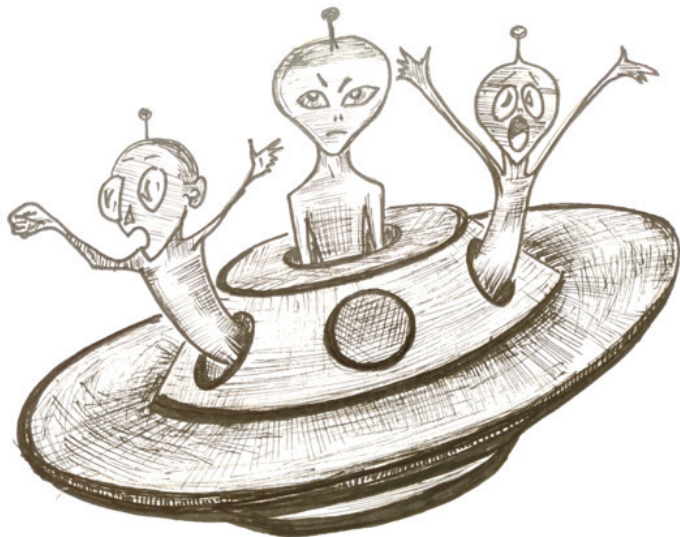
Михалыч при этом засмеялся. Ему очень понравилось, что вопросы, которые задавал сосед, связаны не с дачными делами, от которых он порядком устал, а с какой-то чепухой.

– Ты поспрашивай соседей! Может быть, кто что и видел, – улыбнулся он и подумал: «Мне бы его проблемы».

– А ты когда ночью выходил, ничего не заметил? – спро-

сила председателя жена.

– Да нет, ничего не заметил.

– А во сколько это было? – насторожился Алексей Иванович.

– Да почти с вечера еще, часов в двенадцать.

– В двенадцать?

– Да, решил проверить, как прожектор работает.

– Какой прожектор?

– Настоящий, судовой! Когда-то давно на барахолке брал.

На чердаке все валялся. В этом году установил. Сегодня ночью первый раз решил проверить – хорошо бьет. Половину дачного массива видно. Правда, долго разгорается.

– А где он?

– Вон, – председатель показал рукой, – на крыше, под самым козырьком.

Алексей Иванович прищурился от солнца, но все же увидел в верхней части крыши огромный, полуметрового диаметра, прожектор.

– И куда он светит? – спросил Алексей Иванович, понимая абсурдность своего вопроса.

– Куда светит? Куда направлен, туда и светит!

С чувством облегчения шагал Алексей Иванович домой: «И зачем мне быть председателем? Тоже мне придумали, одни хлопоты! У кого бы что на участке ни случилось, всегда виноват председатель. А этот Шестаков, вообще, ни хрена не соображает, сколько я ему долбил, что нету никаких инопланетян, а он все – пришельцы да пришельцы».

Первобытно-общинный рай

У меня на даче есть два соседа, с которыми я дружу: Юрка справа и Генка напротив. В выходные дни, когда мы приезжаем с ночевкой, очень даже неплохо вечером после баньки посидеть у мангала. Наши домочадцы ложатся спать пораньше, позволяя нам побыть в мужской компании.

И все бы ничего, но возникла одна проблемка. Я заметил, что разговор на этих посиделках рано или поздно переходит в политическую плоскость. Дело в том, что Юрка – за социализм, а Генка – за капитализм. В обыденной жизни это у них глубоко сидит и никак не проявляется. Но в минуты «расслабления» выплывает наружу, обычно где-то после «третьей-четвертой». Они потихоньку начинают заводится, отстаивая свои убеждения. Атмосфера постепенно накаляется. Если я начинаю одного поддерживать, приводя свои аргументы, то автоматически становлюсь «противником» другого. Как говорят, вечер перестает быть томным.

На следующий день при встрече я пытаюсь их образумить. Что, мол, эта тема не стоит того, чтобы портить отношения. Они всегда соглашались, молча кивают головами, но только до следующих посиделок.

И вот, когда мы собрались в очередной раз, я решил сыграть на опережение. Как только пропустили по одной, говорю им:

– Вообще-то социализм это плохо, а капитализм еще хуже, потому что самый лучший строй – это первобытно-общинный.

Юрка с Генкой заулыбались. Поняли, что я их пытаюсь сбить с курса.

– Вот сегодня суббота, мы отдыхаем, ну и завтра денек, а потом все, рабочая неделя, отпуска не дождешься!

– Про работу говорить – только настроение себе портить, – сказал Юрка.

– Вот именно! А древний человек выйдет утром из пещерки: солнышко встает, птички поют – благодать. Спешить никуда не надо, перед завтраком можно немного погулять, как в санатории. Ну и самое главное, не надо топать на работу. Даже если захочешь поработать, ничего не выйдет. Ни одного рабочего места в округе. Захудалого работодателя днем с огнем не сыщешь. Так что отпуск у нашего прародителя был двенадцать месяцев в году.

– Так он, этот древний человек, вместо работы на охоту ходил, – усмехнулся Генка.

– На охоту, да не смешите меня! У нас на работе мужики вместо того, чтобы на диванчике поваляться после трудовой недели, в выходные на охоту ездят. Пострелять, водки попить, от жен любимых отдохнуть. Короче, одно сплошное удовольствие! Так и древнему человеку побегать по альпийскому предгорью за козорогом, какая это работа? Активный отдых, не более того. Да и бегать особо не надо было. Дичи

было столько, что пусти стрелу и в мясо попадешь. А плоды с деревьев сами падают, руки только подставляй.

Смотрю, Юрка рюмки наполняет, а в глазах искорки бегают. С Генкой спорить пока не собирается. Хочет меня уличить:

– Я вот баню построил, дом достраиваю. А как первобытный человек решал вопрос с жильем?

– Хотите знать, в каких замках и дворцах жил доисторический человек? Ни в каких! Излишества ему были чужды! Он вел здоровый, аскетический образ жизни! Пещера его вполне устраивала. Приватизировал он ее один раз на тысячи лет, и все! Никаких тебе коммунальных платежей, никаких налогов! Да что там налоги! Даже за капремонт платить не надо. Природа делала все на совесть! До сих пор пещеры целые стоят. Живи и радуйся! А ты строишь свой дом пять лет и конца не видно. Одни только проблемы: кредиты, цены, налоги, нервотрепка с чиновниками.

– Все-таки непонятно, как они жили. Власти никакой нет, каждый сам по себе, что ли? – теперь уже Генка решил озадачить меня вопросом.

– Вас беспокоит, как они жили без государства, кто за порядком следил? Вы знаете, неплохо жили. Вот мы для чего ходим на выборы, голосуем? Наверное, для того, чтобы жизнь наша стала лучше. А за кого голосуем, не знаем. Поэтому и жизнь улучшается только у тех, кто... их знает. А в племени – один избирательный участок, у пещеры возле

костра! Явка – сто процентов! Нет сомнения, что выберут самого мудрого и справедливого. Он тебе и милиция, и полиция, и судебный пристав!

Я, правда, не знаю, как они обходились без чиновников, и особенно без депутатов пещерного созыва. Но, видимо, как-то обходились. Представляете, какая экономия! Отсюда и высокий уровень жизни древнего человека. Всё есть, а работать не надо!

Я даже удивился, как это у меня так складно получается? Может, действительно, тогда было лучше. Ведь я просто хотел перевести стрелки. В это время обычно ребята уже начинали заводиться, а сейчас ничего, все нормально.

– А что будет, если пещерный человек заболит? Ведь в округе ни аптеки, ни поликлиники. Таблетку от головы и то не выпьешь, – сказал Генка и спросил: – Что, помирать?

– А как вы себе это представляете? Огромный, косматый неандерталец с дубиной на плече поднимается по ступенькам городской муниципальной больницы? Почему с дубиной? А как же талончик добывать? А без него больные бабушки его к врачу не пустят. Они пострашнее саблезубого тигра будут. Им все равно, из какого века он пришел. А на самом деле, что ему там делать? Да в поликлинике приборов не хватит, чтобы измерить его могучее здоровье. Девственная природа, в которой он жил, – вот лучшая система здравоохранения.

Ну а какое здоровье у нас с вами? Мне ли вам рассказы-

вать! Мы же все чахлые. Ту дубину у предка на плече мы только втроем подыдем. Был недавно в гостях у знакомых. Попросил таблетку. У мужа аптечка, у жены аптечка. Одна общая большая – в шкафу. Другая, поменьше, – в холодильнике. А на полочке лежат лекарства без коробочки, которые сегодня выпить надо. У вас разве не так? При жизни себя бальзамируем. А что поликлиника? Лечение везде одинаковое. Запишут вам в карточку, что выдохлый, и отправят в аптеку. Здоровья-то не прибавится.

Что, вопросов больше нет? Я думаю, вы со мной согласились.

– Вопросы всегда найдутся, – сказал Юрка, – со многим можно согласиться, но как же образование, научно-технический прогресс?

– Образование? А вы что, когда в ванну залезаете, обязательно Архимеда вспоминаете? Или без закона Паскаля же на тебе борщ не сварит? Что надо для жизни, древним детишкам объяснят древние бабушка и дедушка! Они всегда рядом, до пенсионной реформы еще очень далеко!

– А ежели я купить чего захочу, а денег нет, да и магазинов тоже? – теперь уже Генка решил меня озадачить.

– А вам сейчас денег хватает? Дурацкий вопрос, да. А нашим праотцам на эти бумажки было начхать. Зачем они им, если все бесплатно. И магазин не нужен. Не хочешь часто охотиться, забей с племенными товарищами мамонта. Мяса на месяц хватит, и женам – по шкурке, а то и по две. Это

когда холодно, а когда тепло, древняя модница из фиговых листочков такой дизайн себе сделает, что ее молодой древний человек и про охоту забудет.

– Получается, что они при коммунизме жили?

– Ничего подобного. При коммунизме работу никто не отменял. Так что это, скорее, рай. Мы только мечтаем, как бы туда попасть. А древний хомо сапиенс жил миллион лет в этом эдеме и в ус не дул! И если бы не тот рационализатор (чтоб ему в аду сгореть), который решил из каменного топора железный сделать, мы бы с вами до сих пор в раю жили и горя не знали.

– Все, убедил, – сказал Юрка, поднимая руки верх. – Один только минус. Посидеть вот так древние люди не могли. Ликеро-водочных магазинов не было.

– Зачем магазины? Я же говорил, что плоды с деревьев сами падали. А что из них получается?

– Бражка получается, – выпалил Генка.

– Правильно, и не только бражка, но и вино хорошее можно сделать.

– А можно ли нам снова попасть в этот рай? – неожиданно спросил Юрка.

И пока я соображал, как нам попасть в рай, за меня ответил Генка:

– Можно! Нарыть побольше пещер! Разбить все население на племена и расселить! В Европе это сделать уже невозможно, у них и места мало, и цивилизация окончательно по-

бедила, а у нас еще вполне возможно.

– Правильно, Генка! Согласен, что немного непривычно. Ну ничего, постепенно адаптируемся. Зато потом мы будем по-настоящему свободны, здоровы и станем жить миллион лет так, как задумала наша матушка- природа.

Мы молча сидели несколько минут, обдумывая сказанное.

– А ведь, действительно, так и есть, – согласился со мной Юрка, – первобытный человек жил миллион лет, а может, и больше, и не жаловался. Потому что жил в условиях, кото-

рые придумала природа. А то, что потом придумал он сам, никуда не годится: рабовладельческий строй, феодальный, капитализм, социализм.

При этом он с улыбкой посмотрел на Генку. Мол, дураки мы были с тобой, когда выясняли отношения.

– А, я понял, почему нас так тянет за город на природу, и обязательно на шашлычок, – подхватил эстафету у Юрки Генка, – это ген древнего человека, который в нас сидит и зовет нас обратно к пещере у костра, чтобы окончательно не пропасть в этой цивилизации.

– Правильно, Гена! – добавил я. – Хотя, думаю, нам необязательно возвращаться в древний мир. Вполне достаточно приезжать на выходные на дачу. Сидеть вечером у мангала и смотреть на звезды, точно так же, как это делали наши далекие предки.

Обостренное чувство справедливости

Я футболист. Играю в премьер-лиге. В последнем матче сильно ударился головой о штангу, потерял сознание. Увезли меня на скорой прямо со стадиона.

Утром очнулся на больничной койке. Голова вроде в порядке, ничего не болит. Так, небольшой туман в глазах. Напротив меня сидит больной в трусах и в майке, смотрит на меня. Я ему говорю:

– Что-то мне нехорошо!

– Может, врача позвать? – отвечает.

– Да нет, у меня ничего не болит, на душе нехорошо, слишком несправедливо все это.

– А что так?

– Понимаете, у меня очень большая зарплата, ну прямо слишком большая.

Я привстал со своей кровати и шепнул ему на ухо.

– Ого, – сказал больной, – а разве такие бывают?

– К сожалению, бывают!

– Гляжу я на тебя, и что-то мне не верится. Столько даже министры не получают.

– Так вот и я о том же. За что мне такие сумасшедшие деньги? Что я сделал такого великого? Может быть, изобрел

лекарство от тяжелой болезни? Или обеспечил мир во всем мире? Так нет же! Всего-навсего мячик гоняю!

Больной посмотрел на меня внимательно и говорит:

– Вы сегодня температуру мерили?

Тут мои ребята из команды заходят:

– Да ты, братец, совсем здоров! Ждем через три дня на тренировку.

– Никакой тренировки не будет! – отвечаю. – Я больше не могу играть за такой большой контракт. Совесть не позволяет. Вы понимаете, что мы делаем? Мы за одну игру получаем больше, чем сталевар у мартена или шахтер под землей за месяц тяжелого изнурительного труда! И слово-то какое – игра! Не работа, заметьте, а игра. Разве можно платить за игру на свежем воздухе? Это мы должны зрителям платить за то, что они бросили свои дела и пришли на нас посмотреть. Так сказать, удостоили нас высокой чести. Я не намерен дальше получать такую зарплату.

Ребята сидят молча, слушают, переглядываются. Как-то странно на меня смотрят. Тут жена заходит в палату. Видит, что со мной все в порядке, улыбнулась, поцеловала меня. Я говорю ей:

– Дорогая, нам придется вернуть все излишки с наших счетов. Я не должен был получать эти деньги. Я только сейчас осознал, что все недра нашей страны принадлежат всему народу, а не только футболистам.

Она перестала улыбаться.

– А те, что потратили? – спрашивает.

– А те, что потратили, будем постепенно выплачивать. Другого выхода нет. Тебе придется на работу устроиться. Ты же бывшая модель.

– Какая я модель, у меня уже не те параметры!

– Ну худей тогда или иди селедкой торговать.

– Какой селедкой?

– Какой? Не знаю какой! Может, тихоокеанской или атлантической!

Вышли они в коридор, что-то говорят вполголоса. Потом ушли. Заходит медсестра, сообщает, что укол сделать надо. Я ее спрашиваю:

– Вы, наверное, тысяч двадцать-тридцать зарабатываете?

– Да вроде того, – отвечает.

– Вот видите, а я только за один удар по мячу пять тысяч получаю, а если не попал, то все равно пять тысяч.

Она говорит:

– Ложитесь на живот.

Я улегся и продолжаю:

– Было бы справедливо, если бы вам тоже за укол пять тысяч платили, если не больно, конечно. А если больно, то, пожалуй, и двух тысяч хватит.

– Жалко, что вы не министр здравоохранения! – согласилась медсестра.

Я хотел еще что-то сказать про справедливость, но сестра напомнила мне, что ее другие больные ждут.

После обеда заходит в палату пожилой человек с бородой. Говорит мне:

– Здравствуйте, я профессор Непреображенный, мне надо с вами поговорить.

– Хорошо, давайте поговорим. Вы сколько зарабатываете? – спрашиваю его.

– У меня хорошая зарплата – сто тысяч.

– Вот видите, вы профессор, ученый, науку двигаете, лекции читаете, а я, молодой парень, получаю столько за один день, даже когда отдыхаю.

– А почему вы тогда расстраиваетесь? – говорит профессор и улыбается.

– Как почему? Ведь это нечестно! Понимаете, профессор, мы, футболисты, забираем львиную долю денег. На остальные виды спорта крохи остаются. Потом, у меня друг на заводе работает. Так вот если он сделал брак, то с него высчитывают, а я иной раз с трех метров по воротам попасть не могу, и ничего, та же зарплата. Бред какой-то.

– Но ведь у вас контракт!

– Вот именно, а зачем я тогда подписывал такой большой контракт, о чем я думал? Головой, что ли, ударился? Я понимаю, когда у Роналду или Месси контракт на сто миллионов долларов, – так их весь мир знает. А кто меня знает? Я за матч наношу всего в среднем десять ударов: три удара в аут, два – на угловой, три удара мимо ворот и два удара по ногам соперника. Я не знаю, что мне теперь делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.